

ВОЙНА И МИР НАЦИЙ

В статье предпринята попытка осмысления такого феномена балансирующего на грани «войны и мира», как нация. Раскрыта роль, которую играют нации на современном этапе развития человечества.

Ключевые слова: нация, национальные конструкции, столкновение и антагонизм наций, сознание и бытие нации, катарсис нации.

Нации являются живыми организациями и организациями, такими социально-культурными феноменами, которыми их выдвинула на первый план природа человеческого генезиса. Существование наций можно игнорировать, но они от этого не изменят своего исконного начала — экзистенции бытия и сознания. Они родились не благодаря чьей-то воле или терминологическим дефинициям. Существование наций, а следовательно, и национального, не подвержено коррозии тех, кто пытается заретушировать их роль и значение в мировом историческом процессе. «Национальность — сложное историческое образование, она формируется в результате сложного... духовно-культурного процесса, создающих её неповторимый духовный лик и в результате всех исторических и психологических исследований остаётся неразрешимый и неуловимый остаток, в котором и заключается вся тайна национальной индивидуальности» [1, с. 97].

Известное изречение о том, что плохих наций не бывает, бывают плохи отдельные их представители. Однако социально-философского анализа, соответственно, требуют уже не нации сами по себе, а их связи, контакты и конструкции. Нации и существуют не сами по себе, а благодаря совокупному антропологическому началу, основой которого является человечество. Вместе с тем нации хотят жить раздельно, как семьи, как касты, как кланы, как страны. Им неведомы призывы о единстве человечества, они жаждут идентичности и своего особого «Эго».

Позиция автора статьи, содержит своё концептуальное обоснование феномена нация, состоящее в следующем:

— нации или их варианты будут существовать до тех пор, пока существует человечество;

— нации будут образовывать новые институционали, включая государственные образования или разрушать старые, ибо в этом смысл и логика их экзистенции;

— нации диалектичны и динамичны постольку и до тех пор, поскольку они дееспособны и пока они имеют мотивы сознания и смысл бытия;

— нации имеют лишь доминантную перспективу, альтернативы которой пока нет, — борьба за пространство и выживание;

— столкновение наций неизбежно, так как данный процесс заложен в их природу.

Итак, экзистенция наций есть их бытие в форме войны и мира. За последние пять тысяч лет существования человечества мирных лет было не более трёхсот. Одно мы можем утверждать точно, что большинство из этих войн носило этнический характер от Греко-Персидской до Второй мировой. Это вовсе не означает, что была война «всех против

всех». Она, естественно, носила перманентный, то есть переходный характер от одной нации или государства к другим. Фразы известных историков «о необходимости и закономерности» войн не вяжутся с гуманитарными установками, однако сам факт и одновременно явление войны присутствует в повседневной жизни человечества. Получается, что человек, группа людей, отдельные организации и государства в целом заряжены и целеполагаемы на войну как фактор существования и бытия, а не только выживания. Из всех обозначенных категорий социальных групп населения наиболее запрограммированы на военные действия именно нации и народы по причине своей организованности, сплоченности и мобильности. Так, в XX веке наиболее приспособленной в этом смысле оказалась германская нация. Точка зрения, которая определяет, что Германия перед Первой мировой войной оказалась обделенной колониально, а перед Второй — униженной Версальским договором, — выглядит устаревшей и неубедительной. Германская нация в этот период оказалась наиболее приспособленной к войне, то есть милитаризованная страна не может не воевать, подобно тому, как работает известное изречение «о заряженном ружье в первом акте пьесы, которое стреляет в третьем». Здесь, безусловно, уместны доводы, как моралистов, так и аналитиков относительно того, что тоталитарный режим всегда опасен. Вожди Германии перешли все правовые и нравственные критерии, что их же народ оказался в заложниках. Разве не германская нация поддерживала призывы к войне Бисмарка, Гинденбурга и Гитлера, разве не большинство германского народа встало под их знамёна и воевало против неполноценных, как они называли французов, славян, евреев, цыган и тому подобных народов? «Ген войны» (автор), видимо всё-таки присутствует, о чём говорят как генетические исследования, так и концепции известных психоаналитиков. Кто же в итоге выигрывает войны? Как ни странно это может показаться, но их выигрывают нации, которые умеют выживать и терпеть, а не выигрывать войны, то есть напрягаться, во-первых, и готовых на самопожертвование, во-вторых. Так было в Первой мировой войне 1914 — 1918 гг, во Второй мировой 1939 — 1945 годов и во всех остальных широкомасштабных и локальных военных конфликтах.

Македонцы, персы, монголы, германцы и другие некогда воинственные народы уступали по одной причине: они были всегда готовы воевать и даже выигрывать, но не готовы выживать и возобновляться. И, наоборот, славяне, евреи, китайцы, англосаксы и другие как раз имеют эти удивительные для возрождения черты. Другой не менее важной особенно-

стью наций является антагонизм, который неизбежно ведёт к столкновению или войне. Срабатывает ли здесь генетический код, исторические обстоятельства или какие иные причины — определить сложно (скорее всего, их совокупность), но ясно одно — на земле были, есть и будут нации-антагонисты. Пусть даже на определённом промежутке времени. Иначе чем объяснить такие социальные феномены, как шовинизм, германский нацизм, итальянский фашизм, японский милитаризм?

Аналогичные процессы в более латентной форме проявляются и сейчас. Это отношения сербов и хорватов, западных украинцев и россиян, евреев и арабов, турок и курдов, англичан и ирландцев, китайцев и японцев и т.д. Между тем существуют особые группы и конфигурации наций, очень толерантно относящиеся друг к другу: Например, это русские — белорусы, индийцы — французы; это поляки — украинцы — цыгане; это англичане — евреи — американцы; это татары — мордва — узбеки.

Сталкиваясь между собой, нации-антагонисты неизбежно создают цепную реакцию, так называемый «принцип домино». Данная коллизия опасна тем, что крупные нации воплощены в свои государственные институты, то есть политические образования, которые, в свою очередь, преобразуют национальные столкновения в театр военных действий.

Полученный межнациональный синдром создаёт картину войны наций, финал которой известен ни одной из сторон. Ясно одно, что непримиримость наций — одно из условий национального состояния — «состояния десублимации». Возникает неповторимое явление в истории «нация войны», то есть её пассионарное чувство, развивающее конструкцию статики. Данной нации необходимы векторы и ориентиры, выводящие её на новый экзистенциальный уровень. Так было с французами в начале XIX века, так было с англичанами в XVIII веке, так было с немцами и русскими в начале XX века, так было с американцами во второй половине XX века, так есть с китайцами, индийцами в конце XX века — начале XXI века. Так будет продолжаться всегда, ибо нации — это жизнеспособные субъекты социального пространства.

Практика показывает, что никогда за всю историю человечества не было нации или этноса, которые бы доминировали над остальными в течение долгого времени. Даже римляне часто терпели поражения от галлов, германцев или карфагенян. Вследствие чего возникает максима, согласно которой растущую, особенно в милитаристском плане нацию, контролируют и уравнивают другие, менее сильные, но более мобилизуемые в данный момент. Тем самым, согласно синергетическим канонам, объективно и коллективно создаётся межнациональный баланс или, как сейчас принято говорить, «система сдержек и противовесов», создаваемая помимо воли действия самих субъектов. Даже абсурдные действия вождя III рейха не шли далее тысячелетнего периода, но волею проведения и действиям других наций им было отпущено 12 лет.

Нациям свойственно возрождаться, угасать или балансировать на грани «фола». Эпоха возрождения и упадка имеет свою специфику. Пассионарность и энтропия — постоянные спутники нации и естественное состояние её генезиса. «Советский Союз распался тогда, когда Европа показала миру свою готовность к единению. Прекрасная иллюстрация к марксистской теории: расцвет и сближение нации как объективный исторический процесс, испытывав

на себе идеологическое насилие, обернулись своей противоположностью. История подтвердила, что он (процесс) реализуется лишь тогда, когда естественным образом сам созревает до такого состояния...» [2, с. 35].

Классическим примером является китайская нация, имеющая многотысячелетнюю историю периодов взлёта и падения, упадка и возрождения. То же самое происходило с русской нацией за тысячелетнюю историю своего существования. С определённой долей вероятности можно так утверждать об индийских нациях и народах, в частности хинди и других. Угасание, полное или частичное, произошло с гуннами (Гунская держава), аварами (Аварский каганат), скифами, мадьярами, македонцами, монголами и др. Их амбициозные притязания оказывались выше их же собственного потенциала, а на планете Земля немало народов, которые поддерживают среднестатистический баланс, так называемый *status kwo*, который позволяет придерживаться состояния середины, а не крайних точек колебания. К ним можно отнести современных венгров, румын, болгар, татар, финнов, чехов, поляков, голландцев, датчан и других. Основополагающую роль здесь играет образ жизни и традиции этих народов, привыкших жить ровно и без политических и социальных эксцессов. Не удивительно, что это в основном нации и народы европейского континента.

Очень многие нации, делавшие заявку на мировое господство, не смогли достичь его уже в силу бесперспективности данного мероприятия вообще. Данная теория не менее банальна, чем теории «стакана воды», где оно (господство) продиктовано умыслом насилия и безрассудства, а в природе человека нет и не может быть добровольного рабства.

Объяснить причину подъёма, упадка, возрождения и исчезновения наций, можно лишь с позиции эволюции и генезиса его природы, а также случайными и обстоятельными величинами. Та нация, которая способна к обновлению и выживанию — имеет будущее. Особенно, если эта нация имеет аксиологическую составляющую. С. А. Нижников отмечает: «...главным и неотчуждаемым признаком нации является единство культуры, понимаемой как система ценностей. Нация — это общность святынь» [3, с. 343].

Нации нужны ориентиры и кумиры. Ориентиры формируются потребностями и обстоятельствами, то есть являются причиной её экзистенции, а кумиры есть её следствие и возникают как фактор актуализации и необходимости возведения данной экзистенции в абсолюте. Так было фактически во все времена и у всех наций и народов: Ю. Цезарь в Римской империи, А. Македонский в Греции — Македонии, Чингисхан в Монголии, Атилла в Гуннской державе, Наполеон во Франции, Бисмарк в Германии, Вашингтон в США, М. Ганди в Индии, королева Виктория в Великобритании, И. Сталин в СССР, Мао Цзэдун в Китае, Фидель Кастро на Кубе, и так далее. Закономерно то, что все лидеры были неразрывно связаны со строителем государственности в своих странах. Значит, нация, как социальный феномен, и государство, как политический институт — неразрывны в связке через объективное звено — лидеров, сами при этом выступают с позиций объективно-субъективного свойства.

Ещё одно уникальное свойство наций — их исключительность. Каждая нация, как отдельно взятый организм, считает себя через отдельных представителей и проповедников, коим являются все творче-

ские и активные люди (низы и верхи, интеллигенция и пролетарии, представители власти и крестьяне) исключительной, в смысле той роли, которую она играет в истории, и в смысле состояния, в котором она находится, и в смысле бытия и сознания, которые определяют её перспективное начало. Данная исключительность ведёт к её эксклюзивности, то есть неповторимости в историческом смысле и даже проблематичности в том же контексте. «Быть русским крайне сложно и почти всегда непочтено, требуется немалое усилие для того, чтобы обрести чувство национальной гордости.... Тем более что история нашего Отечества творилась по заказу людей, зачастую себя русскими не ощущавших и всеми фибрами души желавших походить на иноземцев» [4, с. 316].

Такая парадигмальная способность естественным образом вызывает иную способность — столкновение интересов наций. Парадокс ситуации заключается в том, что сталкиваться и не воспринимать друг друга начинают родственные нации и народы. Например, сербы и хорваты в конце XX века во время гражданской войны в Югославии, русские и украинцы после событий 1991 года во время распада СССР, евреи и палестинцы после образования государства Израиль 1948 года и так далее. Возникает уникальное социальное явление — непримиримость или антагонизм наций, что в той или иной форме существует между англичанами и ирландцами, китайцами и японцами, турками и курдами, армянами и азербайджанцами, немцами и евреями. Срабатывает правило Гаусса, когда один вид (биосоциальный) борется с другим или вытесняется им.

Нации и народы отличаются уровнем культуры, факторами роста и развития, иными императивами, поэтому возникает феномен, который существует даже в юриспруденции и судопроизводстве — личные мотивы и неприязнь. Шовинизм — это не спонтанное и не случайное явление, которое имеет скорее генное происхождение.

Нации определяют ситуативностью исторического момента, а соприкасаясь друг с другом, начинают одновременно и отторгать друг друга. Ассимиляционные начала различных наций возможны лишь при наличии непротивления сторон, то есть согласия, например как в брачных отношениях. Таким образом, нации существуют сосуществуя, где их традиции и уклады являются «священными табу» как внутри их самих, так и за их пределами. Как утверждал К. Ясперс, «изменения этих укладов несут изменения в парадигмах мышления этих наций». Именно тогда наступает так называемый «момент истины», «поиски истины и смысла» существования нации, как то: «национальной идеи», «особой миссии», «уникальной исторической роли в истории» и так далее. Нация будет иметь успех, а значит, перспективу, если она откроет своё «имя», то есть аксиоматическую составляющую, когда её потенциал, то есть способность, будет вызывать иную способность воспроизводить инобытие, а именно — будущее начало. Многие нации прописали похожие концепции в священных книгах, как евреи, многие являются носителями данной идеи в сакралиях, например, — цыгане, но так или иначе, все, как это и положено живым организмам: борются и выживают за своё «место под солнцем».

Ни одна нация не сможет выжить и развиваться без такого ресурса, как институт семьи, ибо это является её главным воспроизводящим началом. Однако кроме традиционного понимания семьи, как ячейки

общества, основанной на кровнородственных связях и взаимоотношениях, должно появиться понятие обобщающего свойства, то есть семьи данного народа, а не народов, как это понималось в советскую эпоху. Нации и народы вполне могут выжить и без государственного (политического) и экономического институтов, и даже без религиозных предубеждений, что демонстрируют многие этносы (белуджи, курды, бенгальцы, томилы и прочие), но они не могут не делегировать свои потребности через «семейные институционалии». Народ всегда концентрируется в семью, ибо это его свойство является условием самосохранения, развития и дальнейшего существования. Самоорганизация разных народов — различна, и от того, как качественно и количественно она происходит, — зависит судьба данного народа. Наиболее «продвинутые» нации смогли в этом смысле достичь апогея, создав на основе семейных институтов — политические образования, то есть государства. Государство представляет устройство определённой нации (наций), в то время как государству делегируется конкретная воля наций, чаще ведущей нации (государство образующей).

Современные тенденции таковы, что многие нации созрели для образования новых государств. Те же нации, которые их сдерживают, должны сохранить свои государства в прежних масштабах. Возникшее противоречие неизбежно приводит к пересмотру мирового порядка. Курды, баски, уйгуры, эритрейцы, тибетцы, берберы и другие уже требуют разрешения их национального вопроса. В то время как турки, арабы, египтяне, китайцы, эфиопы не заинтересованы в этом по понятным причинам. Сценарий будущих событий вполне предсказуем — это «конфликт интересов и противоречий». Решающую роль в данном конфликте будут играть мировые игроки — государства, от которых будет зависеть мирное существование.

Существует ещё одна проблема наций, которая носит латентный, но в то же время весьма острый характер — это переполняемость государственных образований коренной нацией и экспансия её в другие государства. Например, китайская, индийская, японская, турецкая, немецкая и другие национальности. В то время как некоторые национальности, являясь или уже став коренными или титульными, не заполняют свои собственные государственные образования. Это монголы, русские, казахи, англо-канадцы, австралийцы и др. Таким образом, складывается определённый дисбаланс одних в пользу и за счёт других. Такое перераспределение национального расселения всегда сопровождается либо открытыми конфликтами и противостояниями, либо закрытыми коллизиями и противоречиями. Например, расселение китайцев, как, впрочем, и других наций, сопровождается их диаспорными поселениями на чужой территории, а не ассимиляционными процессами с иными нациями и народами. Так происходит с ними в США, России, Европе, сопредельных с Китаем государствах. Аналогичные процессы происходят с турецкой диаспорой в Европе, ранее эти явления имели место с еврейской, греческой, немецкой, английской, испанской, русской и другими нациями и народами, диаспоры которых расселялись по всему миру. В этом процессе есть одна особенность: национальные диаспоры, которые ранее, то есть до переселения, имели государственность, будут её создавать или требовать её создания на других (иных) территориях. Англичане, испанцы, португальцы фактически создали новые государ-

ственные образования: США, Канада, Австралия, Мексика, Аргентина, Бразилия и другие. Немецкие колонии, хоть и имели огромные территории в Латинской Америке и других странах, смогли создать только крошечное автономное образование немцев Поволжья, да и то за счёт правящей некогда немецкой верхушки в России. Еврейская диаспора получила автономию в Амурской области, а не в Крыму или на Украине, как предполагалось, и лишь после этого в 1948 году было создано (восстановлено) государство Израиль. Это вовсе не говорит о том, что они, эти диаспоры, менее репродуктивны, чем английская или испанская. Это лишь подчёркивает тот факт, что Англия и Испания к моменту создания представителями их диаспор имели очень высокий государственный статус, а Германия и Израиль в XVI—XIX веках либо были раздроблены либо вовсе не существовали как суверенные политические образования.

В современной ситуации такие исторические факторы происходят в сербском Косово, когда переселившаяся албанская диаспора, ставшая большинством, требует и образует свою государственность, создавая Великую Албанию. Этот процесс начинается албанское меньшинство, которое по-видимому, в скором времени превратится в большинство. Сейчас их более 25% от населения всей Македонии, а в Косово более 84 %. Аналогичные процессы имеют место на Кипре с турецкой общиной, которая начинает играть в свой государственный интерес. Не избежать в ближайшем будущем и решения в той или иной форме курдского вопроса, где нация вполне созрела для образования своей государственности, и численно превосходит народы, на территории которых она проживает. (Курдов насчитывается не менее 45 миллионов человек.)

Вряд ли в ближайшее время (или вообще) возникнет на карте мира цыганское государство. Для этого необходимы первостепенные государственные атрибуты: территория проживания, а не кочевания, письменность, а не разговорный язык, денежная валюта, армия, власть, аппарат управления и прочее.

Таким образом, диаспорное устройство — это лишь продолжение существования и развития метрополии, которое неизбежно в условиях современного миропорядка.

У всех «сложившихся» наций есть ещё одно немаловажное качество наций — катарсис, то есть обновление и очищение нации. Это явление как закономерное, так и парадоксально. Закономерно потому, что любая нация может пройти этот путь в силу исторических обстоятельств; парадоксально потому, что многие не смогут его пройти в силу наступления у них социальной энтропии — нарушения или исчезновения репродуктивных функций, ведущих к понижению или вовсе исчезновению возможностей экзистенции бытия. Причины здесь могут быть разные: изменение климата, природных или исторических условий или же внешний фактор, то есть завоевание и потеря независимости, суверенитета. Так было с византийцами, скифами, аvarами. То же явление, когда нация выжила и готова к обновлению, — говорит о её живучести (жизнеспособности) или желанию видоизмениться в ментальном плане. Ярким примером служит германская нация послевоенного периода. Когда покаяние, как факт здравого смысла, берет верх над национальными амбициями и расовыми предрассудками.

На современном этапе развития нации имеют приоритет перед этническими группами, народ-

ностями и расами, ибо нации, во-первых, стоят на более высокой стадии цивилизации, чем этносы, во-вторых, нации более мобильны, чем расы, которые в силу своей аморфности и масштабности не способны не объединиться, не предложить концептуальные основания будущего человечества. Поэтому данные задачи возложены на нации, особенно крупные, миссия которых очевидна: определить и обосновать складывающийся новый миропорядок. Существенным является то, что китайцы, индийцы, русские, американцы, бразильцы, арабы, иранцы, французы, англичане, немцы, японцы, турки — способны выполнить эту миссию посредством веры и, определив статус в своих регионах через «modus vivendi», повести за собой, скрепив иные большие и малые нации и народы, интегрировав их в единое мировое пространство.

В мире действительно происходит смена мировоззренческих установок и установления иного мировосприятия. Эти процессы, как и первоочередные задачи и проблемы, очевидно, придётся рассматривать и направлять мировым державам и нациям, их представляющим. Следует учитывать концепцию Парменида об истине, которая всегда рациональна, но не следует забывать, что истина имеет свойство менять время, а значит меняться во времени. Об этом говорят проходящие эпохи. Посему эпоха всегда «охватывается мыслью» (Гегель), что даёт нам основание утверждать, что истинное суждение — это суждение, учитывающее и мнение, и разум, и чувства, и соответствующие категории времени и пространства. Это позволяет нам сделать следующую констатацию:

- а) нация — это историко-социальный феномен;
- б) нация имеет национальную идею или ищет её;
- в) нации ведут борьбу за существование или первенство и, в связи с этим, постоянно сталкиваются между собой в связи с этим;
- г) нации образуются не только и не столько в капиталистическую эпоху, ибо это процесс постоянный;
- д) нация расширяется и совершенствуется, при условии её интеллектуального обогащения;
- е) только нация образует государство и преобразуется в государство;
- ж) нация всегда имеет право на рождение и возрождение.

Война наций происходит по следующим причинам: территориальные споры, личная неприязнь, геополитические и стратегические интересы, влияние иных наций и вовлечение их в свою орбиту действий. Мир наций заключается или по причине выигрыша одной из сторон, либо в силу физического выживания (существования), то есть проигрыша другой стороны.

Существует несколько проекций, которые характеризуют концепцию нации с разных позиций. Это, в первую очередь, классическая позиция Карамзина, который характеризует нацию вообще и русскую в частности, как государство — образующий фактор. Это концепция Достоевского, который обнаруживает мировые нации, и особенно русскую, как «всемирность... и братское стремление к воссоединению людей» [5, с. 147]. Точка зрения Федотова гласит, что национальная душа не дана в истории, этническая психика служит лишь сырым материалом для неё. «Нация не расовая и даже не этнографическая категория. Это категория прежде всего культурная, а во вторую очередь политическая. Мы можем определить её как совпадение государства

и культуры. Там, где весь или почти весь круг данной культуры охвачен одной политической организацией и где внутри её есть место для одной господствующей культуры, там образуется то, что мы называем нацией». Федотов полагает, что «Европа в связи с этим уже существует как нация в культурном смысле...» [6].

Во второй половине XX века появился новый вариант русской идеи, выразившийся в евразийском подходе, который эксплицировал русскую нацию как новое евразийское образование и феномен. Аргументация данной трактовки, которой придерживается современный отечественный геополитик А. Г. Дугин, состоит в том, что Россия — евроазиатская страна и выражает идею создания «Конфедерации Больших Пространств» под эгидой России. Неоевразиец, Л. Н. Гумилёв вносит в данную проблематику влияние биосферы на становление этногенеза нации (пассионарность) — основополагающие характеристики. Только тогда, отмечает Гумилёв, мы осознаем «...традиционные границы — временные и пространственные — нашей этнической общности, чтобы понять, где свои, а где чужие...» [7].

Существует и ряд других концепций, из которых очевидно, что онтологическая сущность наций состоит в том, что это живые организмы и организации, способные созидать, соперничать, воспроизводиться, и, балансируя на грани войны и мира,

определять тот спектр экзистенций, который выражен таким явлением как разнообразие населения планеты Земля.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Судьба России: Опыты по психологии войны национальностей / Н. А. Бердяев. — М., 1990. — 207 с.
2. Шлимонов, Л. Х. Русский исход / Л. Х. Шлимонов. — СПб, 2008. — 293 с.
3. Нижников, С. А. Метафизика веры в русской философии / С. А. Нижников. — М., 2007. — 354 с.
4. Соловьёв, В. Р. Мы — русские! С нами Бог! / В. Р. Соловьёв. — М., 2009. — 350 с.
5. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л., 1986. — Т. 26. — 518 с.
6. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России: В 2 т. / Г. П. Федотов. — СПб., 1991. — Т. 1. — 352 с.
7. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. — М., 1989. — 495 с.

СУПАРОВ Игорь Николаевич, кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии. Адрес для переписки: e-mail: puzikov@omgru.ru

Статья поступила в редакцию 16.01.2012 г.

© И. Н. Супаров

УДК 1 (095)

Д. А. ТОКАРЕВ

Омский институт
водного транспорта (филиал)
Новосибирской государственной
академии водного транспорта

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АТРИБУТИВНОЙ И МОДУСНОЙ МОДЕЛЕЙ СТРАДАНИЯ

В статье анализируются специфические особенности страдания в рамках, выделенных на базе философских и религиозных взглядов, атрибутивной и модусной моделей страдания. Обозначаются причины, проявления и способы преодоления страдания исходя из предложенных вариантов представления страдания. Подчеркивается важность для современного человека следования модусной модели страдания, т.к. именно в этом случае человек обретает своё подлинное существование и возможность спасения.

Ключевые слова: атрибутивная модель и модусная модель страдания; причины, проявления и способы преодоления страдания.

Человек в разные эпохи пытался определить свою сущность, свое предназначение и эти поиски так же разнообразны, как и определение причин страдания. Суммируя всевозможные точки зрения по поводу причин страдания и факторов, способствующих преодолению страдания, можно сделать вывод о целесообразности выделения моделей страдания и их вариантов. Модели позволяют лучше увидеть структуру страдания, т.е. причины, проявления и возможности преодоления, а самое

главное — смогут обозначить жизненные смыслы страдания, которые как раз и являются показательными для современности, ведь ценность жизни часто подрывается танатальностью некоторых философских и религиозных направлений, праздностью жизни и гедонизмом. Они не дают человеку развиваться, делают страдание лишь констатацией факта жизни, которая несовершенна и, к большому сожалению, приносит страдания. Жизненные смыслы страдания позволяют наглядно обозначить картину